

Ринат Хайруллин

Где от весны не
ждут чудес...

Ринат Хайруллин

Где от весны не ждут чудес...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хайруллин Р.

Где от весны не ждут чудес... / Р. Хайруллин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Когда ты молод и глуп, тебе неведомы сожаления. Ты не подозреваешь, что действиями и поступками творишь свою судьбу. Ты не знаешь, что мечтая о рае, легко попасть в ад. Содержит нецензурную брань.

I

О чём мечталось мне? Когда совсем мелким был, хотел стать милиционером. «Инспектор Лосев», «Сыщик»... В советских фильмах они были герои, и по-настоящему круты. Я тоже хотел быть героем. Хотел защищать слабых людей от бандитов. В моих мечтаниях в образе «слабых людей» всегда почему-то представляли красивые девушки. И вот, лёжа в «сон-час» на раскладушке в детском саду, я каждый раз «спасал» какую-нибудь прелестницу. Мне было шесть лет, и так развивалось моё либидо. Отец мой ранний милиционерский романтизм не разделил. «Сам лично башку тебе откручу» – сказал мне. Я тогда не понял, почему он так сказал. Но на всякий случай стал мечтать о космонавтике. Как Юрий Гагарин хотел быть. Улететь к звёздам, и открыть новую планету. Потом началась школа, и самой страстной и несбыточной мечтой было её окончить. Это и вправду казалось несбыточным желанием. Однажды проснуться, а в школу идти не надо. И уроки делать не надо.

Было много разных мечт. Больших и малых. Но основная, превратившаяся впоследствии в цель, сформировалась в душном зале видеосалона. Я заболел американским кино. Всеми фибрами, и каждой клеткой моего молодого организма возмечтал стать голливудским актёром. Таким же крутым, как Сильвестр Сталлоне. Глядя на то, как каждый раз избивают Рокки, я искренне сопереживал ему. Я верил в Рокки, и всей душой болел за него. И – о, счастье! – он каждый раз выходил победителем в бою. Я подражал Рокки. Носил кожаную куртку отца с поднятым воротником, бил о землю мячиком-попрыгунчиком. Шляпы похожей, правда, не нашёл. Таскал кепку. Копировал его ужимки, его походку. Даже рот также кривить старался. На тот момент уже год занимался в боксёрском зале. Нужно ли говорить, что и «технику» Рокки я пытался использовать в ринге. Каждый раз возвращался с тренировки с новым синяком. Мать только хмурилась. Я был Рокки. Боксёром, которого все бьют, но который ещё потом всем покажет.

В 1992-м произошло маленькое чудо. Закончилась школа. Что было делать со свалившейся свободой, я не знал. Хотелось быть актёром. Но надо ведь куда-то ехать, поступать, учиться. Опять учиться – только не это! К счастью, родители мой слабый порыв «уехать-поступить» не одобрили. А на поступлении куда-либо всё равно настаивали. Здесь, рядом к дому. Я не хотел. Я хотел идти в армию. В ВДВ или морпех. Мне хотелось проверить себя. «Дедовщина» – говорите? Ну держитесь «деды»... Но "свобода" в рамках родительской опеки была ограниченной. И я загремел на подготовительные курсы в наш местный пед.институт. На художественно-графический факультет. Такой выбор явился ввиду моей склонности к рисованию. Вообще я слабо себя представлял в профессии художника, но родители настояли. Не хотели, чтобы меня забрали в армию. Экзамены я всё же завалил. По живописи что-то там с натюрмортом напортачил. В нашем городе тогда объявило набор новое учебное заведение. Колледж бизнеса и менеджмента. Что ни слово, то в диковинку. Спонсоры – американцы. Директор – наш сосед. Батя сходил к нему в гости, и я стал студентом сего престижного по тем временам ВУЗа. Усиленное изучение английского языка – это ведь здорово. В Голливуде, как известно общаются на этом языке. Я углядел в этом некий знак. С радостью окунулся в новую, студенческую жизнь. Кроме английского ничего не учил. Но мне ужасно нравились все эти капустастики и посиделки-чаепития. Когда организовали студенческий театр, я одним из первых туда записался. Получил одну из главных ролей в пьесе. Наш спектакль показывался во всех городских училищах и институтах. Я стал местной «звездой». Меня даже в настоящий взрослый театр пригласили. Ходил туда какое-то время. Потом перестал. Репетиции мне казались однообразно скучными, а вечерние «чаепития» не интересными. Водку я не любил. Да и масштаб был мелок. Ведь я уже уверился в своей голливудской будущности. На втором курсе мне предоставилась возможность улететь в Америку. Целый год учиться в американском университете, подобном

нашему колледжу. Перенимать, так сказать, знания. Это было как в сказке. Правду говорят, что если о чём-то страстно мечтать – обязательно предоставится шанс реализовать свою мечту. Понятное дело, что ни о какой учёбе в Штатах я не думал. Я уже воображал, как по прилёту туда сбегу в Лос-Анджелес.

Два тура: анкетирование и тест по английскому, я прошёл на отлично. Оставалась самая мелочь – собеседование с организаторами данной программы. Я неправильно ответил на один простой вопрос, на который как отвечать точно знал. Вообще, я знал, что следует говорить на собеседовании, и чего НЕ следует, но... Не сдержал эмоций. Прорвалась моя восторженность, охарактеризовавшая, видимо, меня, как потенциального невозвращенца. Так приоткрытая дверь в сияющее будущее с грохотом захлопнулась у меня перед носом. Пером не описать, что тогда произошло в душе. Это была трагедия. Осознание поговорки про слово, которое не воробей. Всё до этого момента было легко, а стало всё сложно.

Я с головой ушёл в спорт. Добился определённых успехов в боксе. Какое-то время считался перспективным бойцом, и на меня возлагались большие спортивные надежды. Я больше не летал в облаках, и не боксировал, как Рокки. Занятия в колледже пропускал, репетиции в театре не посещал. У меня появились новые друзья – спортсмены, и новые интересы. И время было интересным. Всё в твоих руках, если ты молод, силён и смел. И если рядом такие же лихие друзья. Я стал одержим идеей заработать лёгких денег. Не для тёлочек-шмоточек-иномарок. Билета в Голливуд для.

II

Для меня дружба всегда была чем-то святым, возвышенным и слегка нереальным. Это значило делить всё пополам. Радоваться и страдать вместе. Быть уверенным в друге, как в себе самом. Быть готовым пожертвовать, если придётся, собой ради друга. Вроде бы всё просто. Но как показало время, таких друзей у меня никогда не было. И уже и не будет. Ведь настоящая мужская дружба строится годами, а я слишком отравлен своим опытом, чтобы верить в кого-то. Да и сам я уже вряд ли способен поступится своими интересами ради «друга». Но речь не обо мне сегодняшнем, а о том романтике-максималисте, что верил в идеалы, и стремился к ним. Когда-то для меня не существовало полутонов. Было либо белое, либо чёрное. Я желал обрести настоящую дружбу, и ради друга был готов на всё. Взамен мне не нужно было ничего, кроме 100-процентной отдачи.

Мой первый друг Саня. С ним мы были вместе с детского сада. Учились в одной школе. Жили в одном доме. Он увлекался культуризмом. К 17-ти годам это был здоровенный бугаина-качок. Мне было далеко до него в силе, но я очень гордился, что у меня такой друг. Помню, перед школьным выпускным мы решили заработать денег. На прощальном вечере хотелось угостить одноклассниц шампанским. Ночью мы залезли на крышу пункта приёма стеклотары. Отодрали железный лист, и вытянули шесть ящиков с бутылками. Лист положили на место. Утром притащили бутылки в этот же пункт, и сдали. Было весело. Спиртное мы тогда не употребляли. Но однажды решили исправить этот пробел.

Дело было осенью. Я тогда только поступил в американский Колледж. Наше учебное заведение находилось в здании кооперативного техникума. И вот там я познакомился с одним парнем с привокзалки (это название самого хулиганского района в нашем городе). Парня звали Андрей. Был он на три года старше меня, и слыл отчаянным драчуном. Как-то на перемене между парами я попробовал с ним на руках побороться. Он чуть не вывихнул мне плечо. Очень сильным оказался. Мы разговорились. Оказалось, наши отцы работают вместе. Стали

общаться. В начале 90-х в обиходе появилось слово диковинное «кабак». Вспоминался сразу стих Есенина, но всё равно я слабо представлял себе, что это такое. Там могли отдыхать только те, у кого водились лишние деньги. Андрей, по его словам, был завсегдаем этих самых «кабаков». Рассказал мне о романтике ночной жизни. Пообещал как-нибудь меня с собою взять. И вот однажды осенним вечером мы сидели с Саней на лавочке в нашем дворе, плевали семечками, и я рассказал ему об Андрее, и о кабаках. И как-то вдруг таким неуместным себя почувствовал на этой нашей лавочке. Был такой тёплый, ласковый вечер. Где-то рядом существовали музыка, веселье, девушки. Где-то были кабаки, а в них Андрей. А мы тут. С семечками...

Решили выпить водки, и идти искать Андрея. Купили поллитровую «чебурашку» «Пшеничной». Отковыряли пробку из фольги. Как её употреблять-то? После некоторой заминки решили пить из горла. Полбутылки влил в себя я, остальную половину Саня. Чуть не вывернуло меня. Гадость мерзкая! Сели на лавочку. Ждём. Ничего не происходит. Думаем, может пробежаться чуток? Чтoб хоть какой-то эффект появился. Посидели маленько, и пошли искать сказочные кабаки. Зашли в какое-то кафе. Спросили на баре про Андрея. А на выходе меня КАК НАКРЫЛО !!! Я даже не понял, почему я вдруг начал с кем-то ругаться, к кому-то цепляться, тянуть всех сразу на улицу. Саня меня уже с кем-то разнимал. На улице я вдохнул свежего воздуха, и почувствовал себя таким лёгким и бесстрашным. Удивительное ощущение. Не знаю, проникся ли Саня подобным, но мне реально тогда море было по-колeно, и даже чуть выше.

И вот мы начали бродить в таком состоянии по ночным улицам. Вроде искали что-то, а в реале просто бродили. «Спасли» какую-то девицу, находящуюся в ещё более бесстрашном состоянии, чем мы. Её некий тип куда-то тянул. Она не противилась, что её куда-то тянули, но мы её всё равно спасли. ТипА отправили подальше, а девица пошла бродить с нами. Тут я вспомнил с какой, собственно, целью был устроен весь этот движ. «Нам надо найти Андрея». Забрели в ещё одно кафе. Саня с девицей остались на улице. Я зашёл внутрь, спросить чтoб про Андрюху-у. Выхожу назад, и вижу возмутительную картину; до моего друга и подруги пристают агрессивные пьяные дядьки. В количестве много. Причём дерзко так. Саню пихают в грудь, девицу опять куда-то тащат. Та скулит. Я вступился. Со всем присущим моему состоянию красноречием, и соответствующим грозным видом приказал негодяям убрать руки от моих друзей. А не то всех ушатаю. Чуваки переключились на меня. И вот уже кто-то суёт мне ментовскую корочку в лицо, кто-то кулаком по печени, а кто-то кулаком же в нос. Пыл мой приугас. Пячусь назад. Понимаю – менты, но слабо понимаю, что мне нужно теперь делать. Чтo-то мямлю про «ошибочку», и про «пardon обознались». А мне тем временем уже с ноги в ухо прилетело. И у меня срабатывает рефлекс. «Двоечка» – это простейшая короткая атака. Два прямых удара. Лево́й-право́й. На тренировках я освоил её вполне. И я заряжаю эту «двоечку» в первую близнаходящуюся рожу. Куда-то в область глаза. Рожа вместе с телом падает. И тут понеслось месилово. На меня нависли со всех сторон. Крутят руки, щёлкают браслетами, пистолетом в ухо тычут. Больно так ухо разодрали. Орут, бьют, запихивают меня в легковушку. Я сопротивляюсь, цепляюсь. Во всей этой суматохе чётко вижу невозможную картину; качок Саня, который передвигался всегда очень медленно, со спринтерской скоростью удирает с поля боя. Я вмиг протрезвел.

В отделении меня пинали до утра. Сначала за то, что я плохой-нехороший посмел поднять руку на сотрудника милиции. Потом стали заставлять признаться в каких-то преступлениях. Я сначала не соглашался, но под утро сломался. «Эту квартиру ты ограбил? – «Да я..», «А вот эту ты?» – «Я». « А вот эту тоже ты?» – «Тоже я». Бить перестали. «Давай рассказывай подробности». Чтo рассказывать – не знаю. Тут опер, которому я залепил в глаз, видимо, сжалился надо мною. А может просто протрезвел. Отвёл меня к выходу. Дал пинка под зад, и наказал, чтобы к 10 утра я пришёл с отцом. С отцом мы, конечно, пришли. Батя поставил

ему бутылку водки, и на этом история окончилась. Так состоялось моё первое знакомство с водкой, и первое же знакомство с правоохранительными органами.

Под вечер в дверь моей квартиры позвонили. На пороге стоял Саня. Я вышел к нему на площадку. Прикрыл дверь. С виноватым видом он протянул мне руку. Я пожал её. Дёрнув его на себя, ударил левой снизу по печени, и ею же боковым в челюсть. Он шмякнулся на пол. Я отпустил его правую руку. Мне было 17 лет, и так завершилась моя первая «настоящая дружба». Потом была и вторая, и третья, и пятая, и десятая. Но оконцовка была всегда одинаковой; в определённый момент "друзья" испарялись. Тогда я не знал, что так будет всегда. Я был молод, и не оглядывался назад, а шёл вперёд к новым встречам.

III

До тех пор, пока ты можешь оправдаться перед самим собою за свои поступки – ты в состоянии жить. Самооправдание – это самообман, и со временем заниматься им становится всё тяжелее. Каким бы железобетоном из доводов и убеждений ты не огородил своё сердце, оно остаётся живым. И его точат сомнения – беспощадное орудие совести, как ненасытные черви.

Мне 20 лет, и я по-прежнему грежу о Голливуде. Но мечты эти где-то на втором плане. На первом же – моя новая, интересная жизнь. После неудачи с американской учёбой, я полностью «забил» на учёбу отечественную, и чаще стал посещать боксёрский зал. На соревнованиях иногда показывал «неплохие результаты». И это «иногда» ставило в тупик моих тренеров. Потому что от меня ожидался если и не лучший, то как минимум стабильный, хороший результат. Ведь на тренировках мне не было равных. В своём зале я мог спарринговать с любым соперником, и нередко «сажал» на пятую точку парней намного тяжелее меня. А на соревнованиях, перед боем зачастую не мог справиться с «мандражом». Не то, чтобы я боялся. Скорее, не всегда получалось у меня совладать с ощущением «важности» момента. Соревнования – это для меня было ВАЖНО, и я очень переживал за результат. Смешно, но чем больше я переживал за него, тем хуже он становился. После подобных «переживаний» я выходил в ринг «перегоревшим». Не было во мне тогда ни здравого смысла, ни расчёта, ни хладнокровия. Впрочем, последним качеством я и в обычной жизни не обладал. Никогда не забуду Республиканский турнир, проходивший в моём родном городе. Когда на меня пришли посмотреть все мои родственники и друзья. От меня ждали только победы. Я сам от себя ждал только победы. Это было ОЧЕНЬ ВАЖНО. Я бросился на оппонента, с целью его уничтожить, и... Как в том анекдоте, «кто-то взял, и потушил свет».

Тем не менее, удар у меня всегда был тяжёлым. И вследствие этого появились и друзья, и работа. Сначала я работал в местном ночном ресторане «Шайба». Это был один из тех пресловутых «кабаков», о которых упоминалось выше, и устроил меня туда Анвар. Пацан из старшей группы нашего боксёрского зала. Был Анвар мастером спорта международного класса, и был он в большом авторитете среди городских. Работа была весёлой, и заключалась она в охране:

- 1) персонала от «отдыхающих граждан»
- 2) отдыхающих граждан от «отдыхающих граждан»
- 3) ну и последних от персонала.

Здесь собиралась вся местная «блатата». Конфликтные ситуации возникали редко, и только с залётными (то бишь приезжими). А так – все знали, чей это кабак и ссориться с Анваром не спешили. Тот был завсегдаем «Шайбы», и практически каждый вечер проводил в застольях и пьянке. Как-то раз у Анвара не заладились «переговоры» с одним из гостей – двух-

метровым бугаиной. Я помог ему «вынести» обидчика. После этого Анвар меня зауважал, и нередко приглашал за свой столик. Однажды он познакомил меня со своим другом. Марат, так звали друга, был обладателем третьего дана по карате, был тренером, и также являлся достаточно известным и авторитетным человеком в «спортивных» кругах нашей республики. Я был горд, что сижу за столом с такими людьми.

Теперь я и ещё пара приятелей колесили по городу и области на побитом Опеле. Собирали долги, искали должников, при надобности привозили провинившихся к старшим, то есть к Анвару, или Марату. Иногда у кого-нибудь из наших старших возникали трения с кем-либо, и тогда нас собиралось очень много. С большинством парней я был знаком по спорту. Мы организовано выдвигались на встречу, и это тоже было работой. Вне зависимости от того, махал ли ты кулаками, или просто стоял. У нас была самая большая группа в городе, и нас уважали и боялись.

Какое восхитительное чувство превосходства ты испытываешь, когда едешь с друзьями по городу! Из динамиков, сквозь открытые окна восьмёрки, или БЭХи гремит хриплый голос Шуфутинского. И все уступают дорогу, улыбаются, или прячут глаза. Какое неприятное, некомфортное чувство вины возникает, когда поздней ночью, или под утро подходишь к двери своей квартиры, и понимаешь, что сейчас снова придётся врать матери. Про то, где был, и что делал. Снова придётся ссориться. Меня сильно возмущало желание матери контролировать каждый мой шаг. Батя поначалу тоже буйствовал, но потом махнул рукой. А мама не сдавалась.

Обчистить ночной ларёк, или раздеть припозднившегося прохожего было тоже работой, но скорее озорством. Когда я вошёл во вкус сего «озорства», стал терроризировать некоторых сокурсников, прямо в стенах родного колледжа, которые по моему мнению были похожи на «лохов». Так у меня появилась первая, и очень модная по тем временам кожаная куртка, и всякие приятные мелочи в виде небольших ювелирных изделий и карманных денег. Каким образом ещё тогда меня не посадили, только удивляюсь сейчас. Всё это было каким-то азартным приключением. Я слышал, конечно, про вымогательство, но то, что кто-то может написать на меня заявление в милицию даже и не думал. Не думал я и о том, что забрать у чувака на улице понравившуюся вещь – это преступление. Просто если ты слаб, и не можешь, или не хочешь, или боишься защитить то, что имеешь – зачем ты тогда это имеешь? Учинить погром в ночном ларёке, и унести всё, что понравится – тоже не преступление, а приключение адреналиновое. Ибо все коммерсанты – кровопийцы, и вообще неизвестный ларёк на нашей территории. Ничто не делалось просто так, и на всё была своя философия. Своё оправдание. И сообщество наше было ничем иным, как спортивное братство, где ты знаешь, что случись что – за тебя встанут десятки. В глубинный смысл фразы «случись что...» я как-то не вдавался. Я даже не вникал в неё ни разу, потому что со мною НИЧЕГО плохого ведь никогда не случится. Ну, подумаешь однажды на встрече с кавказцами в нас швырнули противотанковой гранатой. Так не взорвалась же ж. Ха-ха, придурки кольцо выдернуть забыли. Это ж адреналин, это весело. А вон Лось на встречу в Акмолу поехал. Просто в машине сидел. А по машине очередь из калаша... Похороны. Грустно. Но совсем не страшно. Это рядом, но это как бы на другой планете. Ведь со мною ничего подобного просто не может произойти. Даже и мысли не возникает. И вообще меня мелкий масштаб нашего городка не устраивает. Чтобы в Голливуд улететь нужно много денег. Очень много. Хотя, наверное, на тот момент это уже было просто отговоркой.

С Маратом мы сошлись очень близко, и как-то сразу. Не пьющий, не курящий, фанат своего дела. Прямая противоположность Анвару, забывшему за пьянкой, что такое спорт. Анвара сравнить можно было с волком, тогда как Марат был львом. Интеллигентный, образованный, невысокого роста, мощный, спокойный, с каким-то металлическим взглядом – он был прирождённым лидером. К карате я относился скептически, пока не увидел, как работает ногами Мара. Я начал посещать его тренировки. Учился бить ногами. Даже на турнире каком-то каратековском потом выступил. Он приблизил меня, и теперь я всегда находился с ним рядом. Марат был на 10 лет старше, многое рассказывал мне о жизни и философии. Я же ловил каждое его слово, и считал его своим старшим братом.

В Алма-Ате у Марата был друг по прозвищу Дикарь. Серьёзными делами занимался этот друг, и Мара периодически отправлял к нему наших пацанов «на работу». Стал проситься и я. Но Марат не отпускал. Он не хотел ввязывать меня в откровенный криминал. Хотел продвигать меня по спорту, и всячески отговаривал от посетившей меня идеи срубить лёгких денег. Не понимал зачем мне это, ведь есть перспектива объездить всю Европу, а то и мир. И деньги появятся, нужно только тренироваться. Он не знал про Голливуд. Я ему не рассказывал. Вобщем, я настаивал, и в конце июля 1995-го я и Арман – младший брат Марата – отправились в командировку в южную столицу. Я не представлял чем мне придётся там заниматься. Марат в подробности не вдавался. Сказал лишь, что наши местные «делишки» в сравнении с предстоящим мне в Алма-Ате – детские игры.

Одно почти мистическое обстоятельство предшествовало нашему отъезду. Поздно ночью я заехал домой, чтобы взять вещи. До отправления поезда оставалось что-то около часа, и я очень торопился. Арман в «восьмёрке» остался ждать у подъезда, а я пулей взлетел на второй этаж, в родительскую квартиру. Отец и младшая сестра уже спали, мама же по-обыкновению дожидалась меня. Пропустив мимо ушей её недовольные распросы, я прошёл к себе в комнату, стал спешно запихивать в спортивную сумку какие-то шмотки. Мама притихла. Стоя за спиной, молча наблюдала за моими действиями. «Устроился на работу. С шефом еду в командировку на недельку» – не оборачиваясь, сухо отрапортовал ей. Также не обращая на мать внимания, прошёл в ванную, взял зубную щётку. У порога, вскинув сумку на плечо, решил обернуться. Мама стояла в своём розовом махровом халате. Такая маленькая и несчастная. В глазах слёзы. Сердце сжалось. Я обнял её. «Всего на неделю, ма». «Не уезжай, сынок» – только и сказала мне севшим голосом. Но я уже летел по лестнице вниз. Прыгнул в машину. Арману – «заводи!». Тот ключом клац-клац – машина не заводится. Не просто не заводится, а вообще молчит. Даже стартер не крутит, и приборная доска при повороте ключа не светится. Что за хрень? Машинка новая. В масле ещё, можно сказать. До поезда совсем немного времени. А ещё к Арману нужно заскочить, машину поставить. Тот матерится, продолжает попытки завести машину, бьёт по баранке, и снова пытается. Выходим из машины. Арман лезет под капот, я нервничаю. Ночь. На дворе ни души. Огромная луна освещает тёмный и безмолвный пятиэтажный дом, где я живу. Где я жил... Смотрю на окна родительской квартиры, и замечаю в тёмном окне три силуэта. Мама, папа, сестра. Зашибись! Какого хрена вы попросypались?! Что за безмолвные проводы?! Психанув, сажусь в машину, с силой хлопнув дверцей. Арман следом. Ключ в замок – завелась. Мотор взревел, и взвизгнув покрывками мы вылетели со двора.

Мы едва не опоздали, и впрыгивали в уже отходящий поезд. Благо, что Армашкин дом недалеко от вокзала, и попутку удалось поймать. В купе Арман сразу же захрапел, а мне не спалось. Непонятное, неуютное чувство теснило меня. Толи тоски, то ли тревоги. Восторженное и радостное настроение от предвкушения нового, и приключений сменилось гнетущим чув-

ством вины и одиночества. Я вышел в тамбур, открыл боковую дверь. Грохот и лязг ворвались в узкое помещение, оглушили. Схватившись за поручни, я подался наружу. Прохладный ветер нещадно хлестал по лицу. Ночная степь была залита мертвенным светом всё той же огромной и холодной луны, что совсем недавно освещала двор и окна моего дома. Три безмолвных силуэта в окне... Я закрыл глаза. Глубоко вдыхая ночную свежесть с запахом гари, погрузился в какофонию звуков. Свист, скрежет, стоны – сколько же инструментов в этом печальном оркестре. « Не уезжай, сынок»...

Проснувшись утром, я и Арман были очарованы видом величественных гор из окна вагона. Огромные, с заснеженными вершинами, окутанные сизой дымкой. И будто игрушечные – домики у подножий. Нереальное зрелище! Поезд уже тянулся по городу, приближаясь к вокзалу, и мы высунулись в открытые окна, жадно вдыхая запахи и шум южной столицы.

Радостное настроение опять всецело завладело мной, и я с улыбкой ступил на перрон. Довольные, мы с Арманом двинулись в направлении выхода в город, где по договоренности нас должен был ожидать в машине Дикарь. Но через несколько шагов нас остановили несколько опрятно одетых взрослых мужчин. Старший из них показал удостоверение сотрудника милиции, и категорическим тоном приказал следовать за ними. Колючие, крайне недружелюбные взгляды, напряжённые телодвижения наших сопровождающих вмиг омрачили праздничное настроение. В «дежурке» нас раздели, обыскали каждую часть гардероба, вывернули сумки. Потом посмотрели в наши паспорта.

–«Кто такие? Чем занимаетесь?»

–«Плаваньем занимаемся» – ляпнул я.

–«С какой целью приехали в город?»

–«К тётке в гости» – нашёлся Арман.

–«Адрес и телефон тётки»

Арман продиктовал. Я с удивлением глянул на него. Не знал, что у Армана есть тётка в Алма-Ате. Через несколько минут нас молча отпустили. Ничего не скажешь, душевно встречает столица! Произвело впечатление..

Понурые мы вышли с вокзала, нашли зелёную «бэху», и сели в машину. За рулём сидел Дикарь. Коренастый парень с физиономией боксёра (нос сломан), аккуратная стрижка, белая летняя рубашка, белые же льняные штаны, лёгкие кожаные мокасины. Аромат шикарного одеколona дополнял образ мужественного денди. Пожали руки, познакомились. Выслушав наше повествование о встрече на перроне, Дикарь долго ржал, глядя на наши недоуменные физиономии. «Пловцы, мать вашу! В штаны небось наложили от нежданчика такого?!»

Наконец успокоился. Объяснил, что на вокзале « в таком виде» появляться не стоит. Да и по городу ходить – тоже не стоит.

–«В каком – таком?» – мы с Арманом переглянулись; причёски почти под ноль, чёрные майки, зелёные слаксы.

–« В столице на добропорядочного желателно походить. А не на гориллу, у которой на лбу написано « я – гопник». Причёска, одёжка – всё имеет значение. Если вы конечно не хотите на каждом углу с ментами объясняться!»

Мы подъехали к трёх-этажной «хрущёвке». В двухкомнатной грязной квартире нас встретил тощий и сутулый парнишка. Звали его Женя. « Жэка» – уточнил Женя. Был Женя нашим ровесником, и младшим братишкой Дикаря. Ещё была в квартире девица по имени Лена. «Моя» – пояснил Жэка.

–«Отдыхайте. Ленка, сооруди пацанам похавать по-бырику! На улицу не выходите. Вечером буду» – отдав распоряжения, Дикарь удалился. А мы с Арманом остались в обществе

Жэки, и «сооружающей по-бырику» Ленки. Женька оказался свойским пацаном, хотя и не без выкрутасов. Он смешно гнул пальцы, изображая из себя бывалого уркагана, ну и всячески подчёркивал преимущество столичного проживания перед нашим провинциальным. Правда, делал это без злобы.

Вечером приехал Дикарь, и привёл с собою ещё двух парней. В руках он держал детский школьный портфель.

–«Знакомьтесь, Раджа и Иван. Вместе работать будете.»

Раджа был очень смуглым, почти темнокожим пацаном со сросшимися на переносице бровями, и со странновато-загадочными затуманенными чёрными глазищами под ними. То ли цыган, то ли уйгур. Непонятная улыбка не сходила с его лица, а все его движения были явно заторможенными.

« Не, не наркоша» – шепнул мне тайком Жэка, и улыбнулся.

Второй был совсем юношей. С красивым, почти женским лицом, и длиннющими ресницами. Ивашка, шестнадцати лет от роду. Выгнав Ленку погулять, Дикарь обрисовал нам план «работы», предстоящей завтрашним утром. Каждому отводилась своя роль, и очерёдность появления «на сцене». Я слушал, и у меня потели ладони. Перед уходом он выложил на стол из портфеля два пистолета ТТ в промасленных тряпках.

Ночью мне не спалось. Я стоял на балкончике с видом на сквер, и думал о том, что Марат был прав, когда говорил про «детские игры». Меня бросало то в жар, то в холод. Смогу ли я это сделать? Ещё мне представлялся неизвестный мужик по имени Коля. Вот лежит сейчас этот Коля в своей тёплой постели, и сладко спит. И не подозревает даже, что ждёт его уже этим утром.

V

Эпизод 1

Было около семи часов утра, когда Дикарь высадил нас из машины. Объяснил, как дворами пройти к нужному дому. План был простой: Ваня звонит в дверь, и говорит, что тётя Вера из Караганды передала посылочку. Тётя Вера – родная сестра Коли Ромашкина, хозяйина квартиры. Когда тот открывает дверь, я «вырубая» Колю, мы закрываемся в квартире, приводим в чувство хозяина, он отдаёт нам деньги, вырученные с продажи его, иномарки. Тем же путём возвращаемся в исходную точку, где нас будет ждать Дикарь. На всё-про всё минут сорок. Не более.

Мы на шестом этаже нужного дома. Ивашка в костюмчике похож на школьника, которым он по факту и является. В руках авоська неизвестно с чем. Жмёт на кнопку звонка. Я, Арман, Раджа и Жэка замерли на лестнице вдоль стены. Страх. Мой вечный враг. Когда шли к дому Коли, мне хотелось сбежать. Куда я иду? Что вообще творю? Что там в этой квартире получится? А если что-то пойдёт не так; кто-то увидит, услышит шум, вызовет милицию? Но я вспомнил про Марата, и о том, что сам сюда напросился. Прослыть трусом, и потерять уважение пацанов я боялся больше. И вот я стою, впечатавшись в стену возле двери чужой квартиры, и обливаюсь холодным потом. Сердце стучит так, что его кажется слышно на лестничной площадке. Сухим языком облизываю пересохшие губы. Трель звонка приглушённо раздаётся в глубине квартиры, и электрическим током пробегает по моим оголённым нервам. Как же мне не хочется, чтобы дверь открыли! Пусть никого не будет дома! Пожалуйста! Но за дверью послышался шорох, и все затаили дыхание. Ивашку рассматривали в глазок.

–«Кто там?» – наконец послышался сонный голос

–«Николай Сергеич, доброе утро» – зашебетал Ивашка безобидно и с улыбкой – «тётя Вера просила зайти к вам, и передать посылку»

–«Не понял... Какая тётя Вера?»

–«Вера Сергеевна Удальцова. Ваша сестра» – терпеливо пояснил Ваня, наивно похлопав своими телячьими ресницами. Талантливый актёр. И нервишки крепкие.

–«А ты кто такой?»

–«Ваня я, сосед её. В Алма-Ату в гости приехал»

За дверью задумались. «Правильно Коля, не открывай дверь» – я очень надеялся на это.

–«Николай Сергеич, ну я сумку тогда у двери оставляю?» – Ивашка поставил авоську под дверь, и развернулся, чтобы уйти. Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. Я рванулся вперёд, и распахнул дверь. В дверном проёме стоял взлохмаченный, рослый мужик лет сорока, в семейных трусах. Я на секунду оторопел, и вместо того, чтобы нанести ему удар в челюсть, зачем-то произнёс: «Привет, Коля». Секундное замешательство, казалось, длилось очень долго, в течение которого мы смотрели друг-другу в глаза. Сонная пелена с Колиных глаз спала. Он дёрнулся, и вцепившись в меня двумя руками, начал выталкивать, стараясь закрыть дверь. Я же в свою очередь пытался запихать его в квартиру. Эта возня в дверях длилась недолго. Сзади на меня налегли Арман с Раджой, и мы кубарем вкатились в прихожую. Жэка с Ваней закрыли дверь. На шум вышла сонная женщина (!) из комнаты. Вот это подстава! Мы почему-то рассчитывали, что Коля будет один. Она, естественно, заголосила, но Жэка, сунув в лицо пистолет, уволок её в комнату. Раджа и Ваня принялись шарить по квартире. Я и Арман затащили мужика на кухню. Коля орал, и мы принялись его избивать, чтобы тот заткнулся. Я бил с каким-то остервенением. Бил за то, что он открыл дверь, за то, что я боялся, за то, что я здесь, за то, что я делаю. Коля перестал орать. Мы усадили его на табурет, и стали требовать денег. Но он лишь мычал, и отрицательно мотал головой. Арман взял скалку и начал лупить его что есть дури по рукам, по плечам, и по голове. Я остановил Армана. Просто Коля теперь был похож на кровавое месиво, и не мог говорить. Набрали из крана кастрюлю холодной воды, и окатили ей мужика. Тот пришёл в чувство. Мы повторили вопрос о деньгах. Сказали, что знаем о проданной машине, и о сумме, которую он с продажи вырубил. Но Коля сообщил, что деньги находятся не дома, а в каком-то загородном офисе.

–«Поупорствовать решил, мудака?!». Мы потащили его в комнату, где находились Жэка и женщина. Жэка стоял в углу, поигрывая пистолетом. Женщина сидела на кровати. Она была очень напугана, и плакала. Увидев Колю, она упала в обморок.

–«Не говорит где деньги!» – с бешенством сообщил Арман Жэке, и пнул Колю. Тот сидел на заднице, и трясся.

–«Послушай, ублюдок! Если ты не отдашь нам бабки, мы порвём твою бабу» – гаденько оклабил Жэка – «а потом её пристрелим. А ты будешь смотреть на это! Хочешь?»

И тут Колю прорвало. Он заревел, как раненный зверь. Встал на колени, и не реагируя на удары Армана, пополз к своей женщине. Пачкая кровью её белоснежный халатик, обнял лежащую без чувств, и завыл.

– «В офисе деньги, клянусь вам!!» – ревел он – «Всё что хотите берите! Хотите – меня убейте! Только её не трогайте-е-е!! Прошу вас!!! Умоляю-у-у!!» Он судорожно сжимал женщину в объятиях, и слёзы ручьём текли из его глаз, смешиваясь с кровью, и соплями. Картина была невыносимой. Я не выдержал. Сказал, что мы слишком задерживаемся, и что очень шумно. И если хотят, пусть продолжают без меня. Направился к двери.

Мы выскочили из квартиры, и понеслись к месту, где нас ждал Дикарь. Пятьсот долларов – это всё, что нашли Раджа и Ваня в квартире Николая. Дикарь раздал нам по сотне. Вечером я купил себе адидасовский спортивный костюм и кроссовки.

Эпизод 2

Во мне будто что-то умерло. Пару дней я не мог отойти от чувства омерзения к самому себе. Перед глазами всё стояла картина ревущего Коли с бесчувственной женщиной в объятиях. И я присутствовал при создании этой «картины». Но потом отпустило. Я смог оправдать себя. И когда мы пошли на следующее «дело», не было в моей душе ни страха, ни сомнений, ни жалости. Только чёрная, ядовитая жижа.

Нам предстояло навестить квартиру корейца – торгаша. Он только что приволок новый товар из-за границы, который хранился у него дома. Действовали по той же схеме. Ивашка звонит в дверь, я со-товарищи – врываемся внутрь. Оставалось только догадываться откуда Дикарь знает жертв и их родственников. В квартиру корейца проникли без осложнений. Никакой борьбы, никакого избиения. В квартире он был один. Его связали, и положили в ванну. Тряпьё и видео-техника были частично упакованы в коробки. То что не было – упаковали мы. Пришла грузовая машина. Мы её загрузили. Напоследок, по указанию Дикаря, нужно было напичкать корейца какими-то таблетками, и дать запить ему водкой. «Чтобы он потом ничего не вспомнил» – пояснил Дикарь. Таблетки я выбросил в унитаз, а корейца просто водкой напоил.

Эпизод 3

Теперь Дикарь замахнулся на целый торговый дом. Как выяснилось, Дикарь работал с владельцем этого магазина, а точнее – был его «крышей». И корейца он «крышевал», а с Колей не только работал, но ещё и другом его был. То есть Дикарь был в курсе финансовых дел своих подопечных, и грабил их по своей же наводке. А те потом обращались за помощью к своей «крыше», то есть к Дикарю, который обещал потерпевшим найти, и наказать обидчиков. Этого я понять не мог. Ну и ладно.

В назначенный день я и Арман сидели в близлежащих кустах. Ожидали закрытия магазина, и отъезда хозяина. Дождавшись, подошли к двери, и позвонили. Дверь открыл охранник в камуфляже. Нас разделяла решётка из толстой арматуры.

–«Что хотели?» – небрежно поинтересовался охранник из-за решётки.

–«Куата Нургалиевича видеть хотели» – отвечаем.

–«Он только что уехал»

–«Да? Вот бли-и-ин! Ну ладно, брат, передай тогда ему вот это» – я протянул красивый пакет.

–«Что это?»

–«Это от Марата подарок. Куат Нургалиевич в курсе.»

Дальше, как в кино. Я просовываю руку с пакетом сквозь решётку. Он берётся за пакет, я хватаю его за рукав, и дёргаю на себя. Другой рукой хватаю за ворот, и натягиваю охранника носом в решётку. Арман ему в брюхо упирает ствол, тот достаёт ключи. Арман открывает решётку, мы заходим внутрь. Закрываем дверь. Ставим охранника на колени. Арман бьёт его рукояткой пистолета по затылку. Но как в кино не получается; охранник не вырубается, а ошалелыми глазами смотрит на нас. Из затылка хлещет кровь. Мне на новые штаны. Тогда мы его просто связываем, и закрываем в подсобке. И тут Арман совершает фатальное действие: он достаёт ключ, и закрывает решётку. Ключ же каким-то образом ломается, и его наконецник остаётся в замке. Пи...ц!! Зачем?! Дверь и без того была закрыта. Как машину-то теперь загружать? Спрашиваем у охранника имеется ли здесь что-то на подобии лома или пилы. Не

имеется. Пытаемся подручными средствами сломать решётку. Не получается. Время летит. Уже скоро должна прийти машина. Арман отправляется паковать вещи, которых два этажа, а я ищу «чёрный ход». Нахожу. Дверь выходит с обратной стороны здания, аккурат в жилой двор, где гуляют мамочки с колясками, и на лавочках сидят вездесущие бабульки.

На нанятом грузовике подъезжает Жэка с Раджой. Я объясняю Жэке сквозь решётку сложившуюся ситуёвину. Те подгоняют грузовик к чёрному ходу. Жэка и Раджа бегут наверх помогать Арману стаскивать вещи. Я зову водителя грузовика "помочь" нам с "переездом". Водитель – добродушный пожилой турок, и его по плану нужно оставить здесь. За рулём будет Раджа. Водитель поднимается со мною по ступенькам: я выше, он ниже, идёт прямо за мною. Что-то весело мне рассказывает. Я резко оборачиваюсь, и бью его в подбородок. Он вылетает из тапочек, и бьётся головой о ступени. Из рта его хрип и кровавая пена. Я в шоке. Стою, и не знаю, что делать. А вдруг я его убил? Снимаю с себя майку, и кладу ему под голову. Вроде тёплый. Тут появляются пацаны с коробками. Я оттягиваю с лестницы водилу, чтобы освободить им проход, и замечаю на площадке у самого входа старушку «божий одуванчик». Немая сцена.

–«А чёй та вы тут делаете, а?» – прошамкала бабуля. Я разогнулся. Она ойкнула, встрепенулась, и во двор. Мы в спешке начали кидать в грузовик коробки. То что успели подтащить к выходу. Послышался вой сирены. Жэка кинулся было в кабину, завести чтоб грузовик. Но ему в ногу с диким воплем вцепился «оживший» водитель. Жэка стряхнул его, и мы бросились бежать. Раджа, между тем, сделал это раньше всех. И был очень прав.

VI

Это была плохая идея. Перейти улицу, и идти вдоль забора. Вдоль бесконечного, бетонного забора. С голым торсом. В забрызганных кровью штанах. У всех на виду. Пролетевшая было мимо легковушка с визгом затормозила. Из неё выскочили двое. «Стоять!!!» – скомандовали. Краткое замешательство. Как по команде срываемся с места, и бежим. Слева всё тот же забор, справа – проезжая часть. Забор высокий. Слишком высокий. И ещё – он не кончается. Бабахнул выстрел. За ним ещё один. Все трое с лёгкостью перемахнули через забор. Бежим по какому-то футбольному полю. Игра остановилась. Видимо, все смотрят на нас. Может, о чём-то переговариваются. Может даже, собираются что-то предпринять. Ничего вокруг не замечаю. Бегу. Задыхаюсь. Преследователей не слышно. «Попробуй, сука, перепрыгни заборчик!» – в воспалённом мозгу злорадная мысль. Обессиленные вбежали в какой-то дом, в какой-то подъезд. Остановились. Раскалённый воздух дерёт сухую глотку. До кашля. До рвоты. Лёгкие разрываются. Ноги ватные. «Всё, не могу больше!» – прохрипел Жэка, и повалился на ступеньки. «Надо бежать дальше!» – это предложение Армана. «Надо бы бежать ...» – это моя мысль. Но сил нет. Зато есть стойкое ощущение нереальности происходящего. В башке сумбур: «Всё это происходит не со мной... Со мной не может ничего случиться... От погони оторвались... Нужно просто где-то затаиться и переждать... Жэка – баран... И прочь из этого города...» Короткий спор, и Арман бежит дальше. Я и Жэка спускаемся ступеньками вниз. То ли подвал, то ли подсобное помещение. Темно. Закрыли дверь. Затаились. Какое-то время звенящая тишина. Только сердце в ушах стучит. На лестнице шаги. Кто-то спускается. Женька вцепился в ручку двери. С другой стороны дёрнули. Хилый Жэка вместе с дверью подался вперёд, но тут же потянул её на себя. «Здесь кто-то есть!!!» – крик снаружи. И дверь начали рвать. «Помоги!!!» – Жэка орал, отчаянно пытаясь удержать дверь. Столбняк, оцепенение – про меня. «Это конец...» – ещё подумалось.

Дверь распахнулась, и яркий свет ослепил. Крики. Ярость. Маты. В помутнённом сознании вспышки ударов. Взрывы ударов. Град ударов. Дикая боль. Глаза привыкают к свету. Меня волокут куда-то. Руки заломлены. Вокруг ненависть и злоба.

Сижу в тесном заднем отсеке милицейского «бобика». Сквозь пыльное зарешеченное оконце вижу улицу, деревья, прохожих. Ещё утром, ещё час назад я был частью этого тёплого, летнего мира... Дверца открылась, и я увидел трясущуюся бабулю «божий одувачик». «Это был он» – прощамкала милиционеру, поддерживающему её под локоть.

Как в одночасье меняется жизнь? Как белое становится чёрным? Не знал, пока не испытал. И это похоже на сумасшествие. Резкий переход из одной плоскости в другую. Из тепла в холод. Из всё же не рая, но в реальный ад. Зазеркалье. И в него я пришёл по собственной воле.

Беспредел порождает беспредел. И если ты творишь злое, нужно быть готовым, что тебе прилетит обратка. Только в многократном размере. Бумеранг. Но тогда я был далёк от вселенской философии, и к расплате оказался не готов. Как-то неожиданно она пришла. Сложно осознать, тем более принять мысль, что боль и мрак теперь твои единственные спутники, когда ещё утром ты был полон надежд, и радужных планов.

ГОВД, в который меня доставили, стал моим первым, недолгосрочным, маленьким адиком. Там были и свои черти, и свои сковородки. Сначала меня просто тупо били. Долго, и безостановочно. В отделении переполох; по горячим следам удалось задержать двух налётчиков. Нет сомнений, что они – часть организованной группы. А накрыть одним махом целую банду – это почёт, это повышение по службе, лишняя звёздочка на погон, благодарность в личное дело. Одни сплошные бонусы и приятности. Надо только расколоть задержанных. Так чтоб под орех, чтоб опомниться не успели, пока горяченькие. И меня «кололи». Каждый, входящий в кабинет «дознаватель» был уверен, что именно он станет счастливым обладателем моих признательных показаний. «А, спортсмен? Ну держи!!!», или «Оп-па!! Дай-ка толстого пробью!!». Я был не толстым, но били меня с нескрываемым удовольствием. Таскали из кабинета в кабинет. Хотели знать в принципе не много: сколько участников было, их имена-адреса, имя организатора. Но загвоздка заключалась в том, что прежде чем подобраться к этим пунктам, нужно было заручиться моим признанием моего же непосредственного участия в совершении. А его-то они добиться и не могут. Сказочно-неправдоподобную версию сочиняет мой близкий к помешательству мозг: Приехал оттуда-то. Вещи-документы украли. Знакомых нету никого. Гулял по городу, встретил мужиков. Сел играть в карты. Проиграл майку, оттого и торс голый. Подрался с ними – потому и кровь на штанах. А чё убежал? – так это, все побежали, и я побежал. Боюсь я милиции. Никого не грабил, никого не знаю. Версия откровенно глупая, но я её придерживаюсь. И каждому вновь-интересующемуся её монотонно впариваю. Их это злит очень сильно, и они трудятся с ещё большим усердием. Не покладая рук, и ног. Что там с Жэкой происходит, и что он рассказывает, я не в курсе. Я его «не знаю».

Меня швыряют в небольшой «обезьянник». Короткая передышка. Есть возможность «собратиться с мыслями», и насладиться видом зелёной ветки, заглядывающей в окно помещения, наблюдаемого сквозь решётку железной двери. Уже ночь.

Меня тащат в комнату без окон, от пола до потолка залепленную грязным кафелем. Железный стол и стул вкручены в бетонный пол. Под потолком тусклая лампочка и железный крюк. В этой комнате мне предстоит ознакомиться со «стандартными методами дознания». Мне заковывают руки, и цепляют наручниками за крюк. Теперь я представляю собою идеальный боксёрский мешок. Но бьют меня не руками. Резиновая дубинка удивительно музыкальна в руках виртуоза, и гулкий свист, с котрым она рассекает воздух превращается в смачный шле-

пок. Звук шлепка каждый раз меняется. Это зависит от того, куда врезается дубинка: в рёбра, почки, или бедра. Я уже охрип от собственного вопля, но моих мучителей это, похоже, только заводит. С шутками и смехом они меняются, и дубинка методично продолжает вышибать из меня дух.

Я на полу, и меня облили водой. Им уже не интересна моя история про игру в карты, и от меня не требуют признаться в моём личном участии. Мне нужно назвать имена участников и организаторов. И мне ужасно хочется это сделать. Подписать что угодно, лишь бы БОЛЬ, которая стала всем мною, прекратилась. Но я упорствую. Просто не знаю, как потом буду с этим, и смогу ли перед собою оправдаться. На Дикаря и его братишку мне наплевать – я их не знаю. Но Марат... Ведь он брат мне. А на предательство у меня патологическая непереносимость. И мы идём дальше.

Я на стуле. Мокрый и дрожащий. Обе руки прикованы к подлокотникам. На указательном и среднем пальце правой руки по клеме. В моих глазах паника. В глазах дознавателя – надежда. Он крутит ручку небольшого генератора. Сначала медленно. Потом быстрее...

... я опять в «обезьяннике». Со мною здесь находятся ещё какие-то. Они пытаются со мной заговорить. Сочувствуют мне. Ничего не соображаю. Молчу.

... я в знакомой «комнате». Прикованный к стулу. У меня на голове противогаз. Сквозь запотевшие стёкла вижу улыбающуюся, лоснящуюся жиром рожу «дознавалы». Он что-то впрыскивает в шланг, закупоривает его пробкой. Я не просто задыхаюсь. Резкая, едкая вонь разъедает мои глаза и носоглотку, разрывает мои лёгкие. Я, видимо, очень забавно дрыгаюсь, потому что успеваю услышать истерический хохот, прежде чем отключиться. Пол. Вода. Повторение процедуры.

... вновь «обезьянник». Я надломлен, и не знаю сколько ещё смогу выдержать. Оглядываю маленькую свою камеру. Прикидываю, можно ли здесь удавиться как-нибудь по-тихому. Сил реально нет. Отчаяние.

Шёл второй день моего пребывания в гор.отделе. Ближе к обеду меня вывели из отделения, и повели к его основному, вероятно, зданию, которое располагалось в метрах пятидесяти. Это короткое пребывание на улице... Это лето, тепло, зелень... Удивлённые взгляды прохожих. Каким близким, и каким несбыточным всё это теперь казалось. Несоответствие меня и окружающей жизни было невыносимым. Всё происходящее напоминало кошмарный сон, и где-то глубоко в душе я по-детски надеялся ещё проснуться. Потому что ТАК, как сейчас не бывает. Но это был не сон. В светлом просторном кабинете, куда меня привели, было семь оперов. Они с любопытством воззрились на меня, когда дверь за конвоиром закрылась.

– «Это и есть тот упёртый ?!» – ко мне подошёл здоровенный бритоголовый молодчик, и с интересом оглядел меня. Хмыкнув, вопросительно уставился на сидящего за столом, видимо старшего. Тот встал, и заложив руки за спину, не спеша прошёлся из угла в угол, как бы раздумывая о чём-то. Остановившись у окна, и глядя на улицу, он сочувствующим тоном сообщил мне, что я дурак, и поступаю крайне глупо, продолжая играть в молчанку. Ведь подельник мой Жэка уже написал явку с повинной, и дал расклад про всё и всех. И что теперь отпираться мне бессмысленно, и что сидеть я всё равно буду, но лишь от меня зависит долгий срок, или не очень.

– «Выбирать тебе» – равнодушным тоном заключил он, и отвернувшись от окна, кивнул бритоголовому, стоявшему рядом со мной. Тот сделав корпусом пару финтов, пробил мне

левой по печени, и правый боковой в челюсть. Я «поплыл», но не упал, как по всей видимости ожидалось. Все загоготали, подкалывая бритоголового, мол, не такой уж мощный у него удар. Тот попытался ещё пару раз отработать на мне эту свою комбинацию. Но я перекрывал подбородок плечом, и свалить меня ему не удалось. Тогда ему пришли на помощь ещё двое. Меня повалили на пол, и отходили ногами. Затем кто-то предложил «опустить» меня.

– «На тюрьму петухом поедешь!»

Собравшись, что они задумали, я вскочил на ноги. Руки мои всё это время оставались скованными за спиной, и всё, что я мог сделать – это прорваться к окну, и выпрыгнуть. Что я и попытался сделать. Решёток не было. Но я даже до подоконника не успел допрыгнуть. Меня вновь повалили на пол. Заломили руки. Навалились на ноги. Спустили с меня штаны. Бритоголовый взял дубинку, а ещё один взял фотоаппарат.

– «Ну чё, боксёр, кончилась твоя блатная жизнь! Целку тебе шас сломаем, и будешь ты жить в гареме» – похлопывая дубинкой о ладонь, ласково проворковал бритоголовый.

– «Резинку натяни на дубину! Испачкаешь!!» – посоветовал бритоголовому хохоча кто-то.

Я вдруг чётко осознал, что жизнь моя сегодня закончится. Ничего больше не будет. НИЧЕГО. Опушенным я точно не буду. Приняв неизбежное, я перестал сопротивляться, и вполне ровным голосом озвучил свои планы на ближайшие полчаса, час, два – как получится. А планировал я вцепиться кому-нибудь в глотку, и разорвать её. Уж на это сил у меня хватит. Не знаю, кто это будет: кто-то из них, или сокамерники в «обезьяннике», или дежурный в отделении, или кто-то из прохожих сейчас на улице – не знаю. Но стремиться я буду забрать с собой по-возможности больше. А потом я удавлюсь. Если не удастся этого – расшибу о стену голову. Короче пид...м я себя в будущем никак не вижу. Вероятно я был очень убедителен, и невинность моя не пострадала. Меня молча подняли на ноги, застегнули на мне штаны, и повели назад в гор.отдел. Неподалёку от входа я увидел Марата (!), и какую-то девушку, стоящих у машины, и о чём-то разговаривающих. От неожиданности я на мгновение остановился, но получив толчок в спину, продолжил движение. Мой взгляд загорелся. Марат конечно же увидел меня, и украдкой подмигнув мне, сделал вид, что смотрит в другую сторону. А девушка... Тогда я не заметил с каким обожанием смотрела на меня та девушка. Я не смотрел на неё. Впрочем, опомнившись, я не стал смотреть и на Марата. Конспирация. В душе же возликовал я тогда. Всё было не зря! Марат меня не бросит. Он поможет мне.

VII

И он помог. Через час у меня состоялась встреча с адвокатом. Тот сказал, что от Марата. Передал мне привет, футболку, и чебуреки с соком. Вполне искренне сочувствовал, когда я, морщась от боли, натягивал на себя принесённую одежду. Так же правдиво негодовал на ментовский беспредел. Мой адвокат убедил меня написать заявление на сотрудников милиции, пытавших меня. Я засомневался было; мне не хотелось быть «потерпевшим». Но адвокат махом отнёс мои сомнения, сказав, что это будет нашей страховкой, и что менты теперь прекратят издевательства. Сделав всё как он сказал, я, ободрённый и вдохновлённый, отправился в «обезьянник»; угощаться чебуреками, и лелеять надежду на скорейшее окончание этой «неприятной истории». «Скоро всё закончится! Потерпи немного» – это слова, которые передал мне Марат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.